

кажи, Игорь, пожалуйста, для начала: в 60-х годах «Современник» ставил острые пьесы, и его не закрыли, а блестящего Эфроса, у которого такой острооты спектаклей не было, все же изгнали из «Ленкома». Почему?

— По-моему, тут сыграли свою роль два фактора. Во-первых, в те годы закрытие спектакля каждый раз было связано с чудовищным скандалом.

— Держиморды их не очень боялись...

— Как сказать — все-таки после XX съезда... Но главное — у них еще не выработалось умение жать, перекрыть кислород. Потому что при Сталине все решалось просто: закрыть? Арестовать? Расстрелять? Нет проблем! Они еще были слишком уверены в своих силах. Ведь как вышел «Голый король»? Это же анекдотический случай!

Мы собирались на гастроли в Ленинград, накануне отъезда сыграли генеральную. От Минкульта прислали Покаржевского — тогда инструктора, потом секретаря Свердловского райкома партии, начальника управления культуры Москвы. Он посмотрел, немножко напугался. Но мы ему: «Да что вы! Это ж сказка!»

А в Ленинграде, между прочим, все гораздо жестче, чем в Москве, там первым секретарем — Толстиков с его лозунгом: «Ленинград — колыбель революции, а в колыбели надо спать спокойно!»

— Говорят, по поводу фильмов и спектаклей он еще спрашивал: «На колыбель тянет?»

— Да, было. Пьесы, разрешенные в Москве, в Ленинграде «на колыбель не тянули». Но вот мы приехали, сыграли премьеру с потрясающим успехом — с конной милицией, когда зрители ломали двери, лезли по водосточным трубам. Толстиков не мог запретить спектакль московского театра — субординация не позволяла, к тому же думал, что Москва разрешила. Мы вернулись с огромным количеством положительных рецензий, и все было ничего, пока на спектакль не пришел Зубков — главный редактор журнала «Театральная жизнь», вождь «динозавров» — с «динозаврами». Разразился грандиозный скандал: член Президиума ЦК партии Фурцева требовала закрыть спектакль, закрыть театр. А нам нечего было терять: «А мы считаем, что «Голый король» — партийный спектакль!

Кваша Игорь

КВАША

«Когда «Современник» должен был ехать на гастроли в Швецию и Норвегию, не дали визу мне и Гафту... Тогда весь театр отказался ехать, и государство уплатило неустойку».

— нагло сказали мы. — Вы считаете по-другому? Издавайте приказ!» А вот приказ издавать они очень не хотели.

К тому же как только разнесся слух, что «Современник» закрывают, завопила заграница — по всем «голосам», во всех газетах.

— А во-вторых?

— ...Нас спасало большое количество народа — разные люди, иногда очень крупные, вмешивались в нашу судьбу. Так что власти опасались не только скандала внутри страны — боялись мирового резонанса. У нас была, могу предположить, еще и некая «выставочная цена» — властям мы были выгодны: «У нас есть и такой вот свободный театр!» И нам разрешали то, что запрещали другим: «Голый король» шел только у нас, «Назначение» — только у нас и т. д.

А с Эфросом им было уже проще — и опыт поднакопили, и технологию отшлифовали в брежневскую эпоху.

— А какова роль Олега Ефремова в спасении театра?

— Огромная. Главная. Он, конечно, прирожденный вождь. Потом в нем была отчаянность. Он мог на приеме сказать Фурцевой: «Вы что, не понимаете, что вы — шлагбаум на пути советского искусства?!» Он мог послать матом, мог орать: «Вы — фашисты!» — и они терялись. Кроме Ефремова, этого никто не мог себе позволить. В нем есть некая загадка, в силу которой он, несомненный интеллигент, был им, несомненно, неинтеллигентам, социально близок. Он, единственный, мог говорить с ними на таком языке. Потому что позже, когда один главный режиссер попробовал покрыть матом Покаржевского, тогда уже начальника управления культуры, тот побелел и закричал: «Вы что себе позволяете! Вон отсюда!» Потому что этот человек был им социально чужд.

— Почему же ты в 70-м не ушел с «прирожденным вождем» во МХАТ? Он ведь тебя звал...

— ...Несколько лет подряд. И говорил, что это некое предательство, поскольку мы вроде как дружили. Но я считал, что он делает ошибку: я-то до «Современника» работал в Художественном, в отличие от него, я-то видел этот организм изнутри и понимал, что то, что нам сходило с рук в «Современнике», во МХАТе не сойдет. Жизнь доказала, что я был прав.

— *Переменим тему: почему так редко появляешься на экране?*

— Скоро увидишь меня в двух телефильмах. В одном я играю роль, о которой давно мечтал, режиссер Сорокин, сценарий Лапшина; четыре серии. Фильм о Горьком — «Под знаком Скорпиона». Я играю Сталина. Большая роль, поскольку судьба Горького тесно связана со Сталиным.

-И *жизнь, и смерть.*

— Там даже есть такой диалог: я иду с Ягодой, он что-то говорит о Горьком, я — ему: «Какой Горький? Он же умер». — «Как? Когда?» — «Ну, минут десять назад...»

— *А второй фильм?*

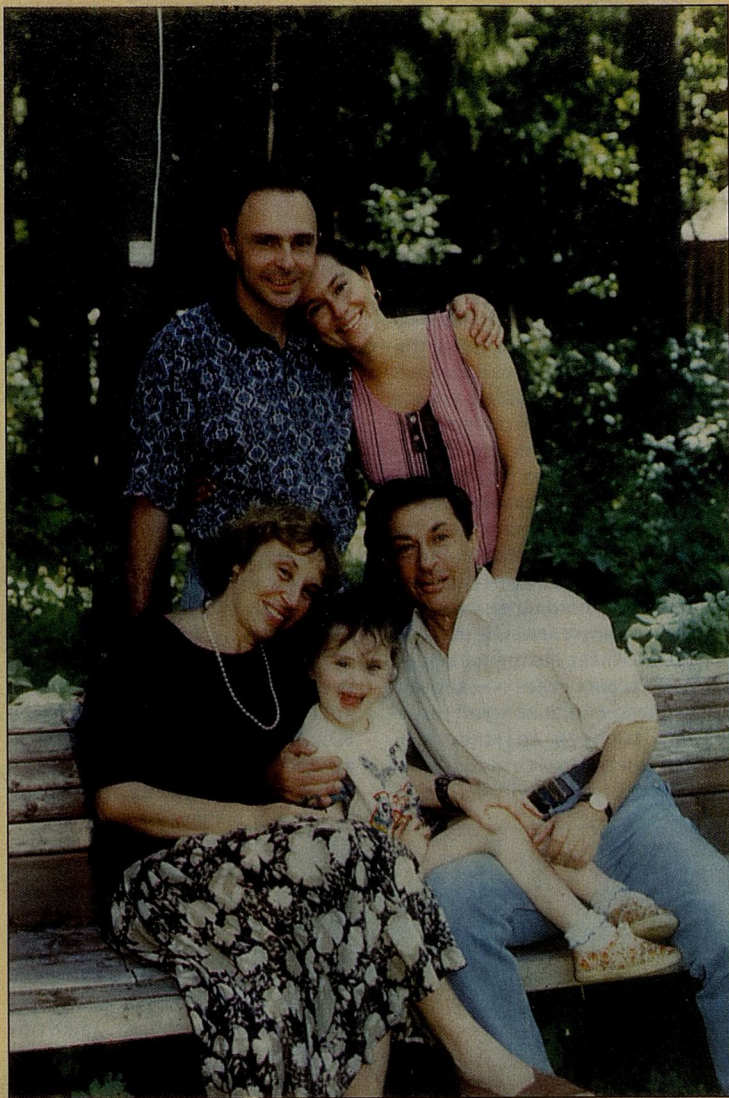
— «Наш дом», режиссер Квинихидзе, сценарий Адабашьяна и Волынца. 40 серий. У нас моего персонажа называют «бомж», хотя во Франции сказали бы «клошар», поскольку дело не в нищете его, а в образе жизни, который он выбрал. А с кино у меня не очень сложи-

лось, потому что я много лет отказывался — думал, что кино помешает театру, а лет 8—10 меня вообще запрещали снимать.

— *Почему?*

— Сначала я думал — «5-й пункт», но потом понял, что это не единственная причина. Видишь ли, я был «подписантом», подписал в числе многих письмо в защиту тех, кто после нашего вторжения в Чехословакию в 68-м вышел с протестом на Красную площадь. Кроме того, когда меня выпустили в Париж, я встречался там с опальным Виктором Платоновичем Некрасовым — давним моим другом. Когда я вернулся, ко мне пришел некто Ицков и сказал: «Мои генералы тобой недовольны!» — после чего я его послал... Потом я дружил со многими диссидентами, например, с художником Борей Биргером, который был «под колаком», потому что посылал лекарства Сахарову в Горький...

В общем, когда «Современник» должен был ехать на га-

строли в Швецию и Норвегию, не дали визу мне и Гафту — на него настучали, что он хочет остаться в Швеции. Тогда весь театр отказался ехать, и государство уплатило неустойку, кажется, в 150 тысяч долларов.

-С *ейчас у тебя в театре премьера — Фальстаф. Неожиданно, потому что сэр Джон «по геометрии» должен быть толще тебя раза в три...*

— Я и сам удивился, когда Сергей Яшин предложил мне его сыграть, и долго отбивался. Конечно, «толщинки» делают «геометрию», но меня больше интересует его любовь к жизни, его антибуржуазное начало. Это какой-то продох в теперешней жизни.

— *Читатели интересуются домом...*

— Если начать издавать, то отец — химик, доктор наук, профессор, мама — учительница-дефектолог. Жена — врач, кандидат наук — 350 тысяч рэ за все про все. Сын — тоже врач, но, к сожалению, сейчас

этим почти не занимается — пытается где-то подработать. Внуку Мише 4 месяца, внучке Насте 4 года, я их обожаю.

— *Настя — энергичная девушка?*

— О-о-о! Думаю, будет актрисой. Очень забавная.

— *И живность есть?*

— Моя собака умерла, а собаку сына я люблю, как свою. Зовут Феня. Бультерьер.

— *Говорят, страшная собачка...*

— Говорю тебе: более доброй я никогда не видел.

— *Хобби тоже есть?*

— Было: живопись. Сейчас времени нет, а раньше писал маслом. Пейзажи, интерьеры, меньше — портреты, потому что для них надо иметь человека, который будет сидеть.

— *Какие проблемы? Ты ведь давно женат...*

— Ну не может она все время сидеть... Но настоящее хобби — театр.

— *Театр? Это же профессия...*

— Нет, настоящее хобби — это страсть!

Григорий Цитриняк

